

Это была тяжёлая школа. Человек, который остался в живых после встречи с русским солдатом и русским климатом, знает, что такое война. После этого ему незачем учиться воевать...

Генерал вермахта Блюментрит

Старый, немного пьяный казах рассказал мне эту историю девятого мая 1985 года на КПП войсковой части 19880, где он ждал своего внука-солдата. И я ему поверил. Мой дядя, отстоявший Сталинград и оставивший своё имя на берлинских стенах, рассказывал не менее удивительные истории. В принципе, ничего для нас удивительного — верить в победу.

Двадцать второго июня 1941 года в три часа пятнадцать минут люфтваффе вторглось в воздушное пространство СССР, чтобы обрушить смертоносный груз на спящие города и военные аэродромы. Двадцать третьего июня 1941 года в пятнадцать часов тридцать минут Андрей Нилов вышел из больницы с убийственным диагнозом: рак лёгких на последней стадии. Да ещё и эти, как их? А! Многочисленные метастазы! «Два-три месяца — в лучшем случае, две-три недели — в худшем», — признался тихий интеллигентный доктор. Видать, насобачился уже беседовать со смертниками из онкологического отделения. В сущности, Нилова отпустили домой умирать, и он, стоя на крыльце с папиросой во рту, раздумывал, как это лучше сделать. Пойти на завод и напиться с ребятами? Не поймут, второй день идёт война. Завалиться с девчонками в кабак да гульнуть последний раз? Не поймут, второй день — война. Пойти и удавиться? Не поймут, скажут — слабак. Страха особого перед смертью у Нилова уже не было. Ему санитарки ещё месяц назад нашептали, что отнюдь не бронхит у него с осложнениями. Было время подумать. Правда, с одним единственным вопросом так и не удалось разобраться: почему именно он — Андрей Нилов, двадцати восьми лет от роду, неженатый, комсомолец, передовик производства, награждённый за перевыполнение плана пиджаком фабрики «Большевичка» и прочая и прочая? Почему? За что? И как теперь со всем этим быть? Ни в Бога, ни в чёрта воспитанный в советском

детдоме Нилов не верил, постперестроечных книг о всяких там кармических болезнях тем паче не читал. Вот и стоял он на крыльце больницы с давно потухшей папиросой в зубах, не имея ни малейшего желания идти в общежитие, где здоровые и шумные ребята собираются добровольцами на фронт. Ещё бы, надо же успеть побить фашистов, пока они сами не убежали.

Очень хотелось обидеться на весь мир, но миру, похоже, было не до умирающего Нилова. Точнее, мира не было, была война. Понедельник — день тяжёлый. Пожалел его в пятницу доктор. Пока санитарки и сёстры шептали, вроде как надеялся ещё. А теперь... А теперь плыли по небу редкие странные замысловатые облака, похожие на застывшие взрывы и на испуганные мысли одновременно. Солнце палило так, будто протуберанцами чаяло дотянуться до Земли и выжечь на ней всю мерзость и гадость. И — вот удивительно — по-над улицей плыл военный воздух. Именно военный. Он был разжижен послеполуденным зноем, по цвету имел странный тёмный оттенок, делающий его осязаемым оптически, и весь насквозь был пронизан летящими отовсюду молекулами настроенного ожидания. Стоило вдохнуть его — и всё, человек уже не тот, что был вчера, час назад, минутой раньше. Он становится человеком военного времени.

Но вот этот воздух содрогнулся.

Распевая «Прощание славянки», по улице мимо больничного крыльца прошёл отряд ещё гражданских, но уже мобилизованных мужиков. Сопровождал их малорослый, осунувшийся от двух бессонных ночей кадровый офицер. Его припухшие глаза, иссечённые видимыми даже на расстоянии кровавыми прожилками, являли выполнение сверхзадачи. Он мельком, но очень красноречиво посмотрел на внешние праздные черты Андрея Нилова. За отрядом бежали и подстраивались под шаг взрослых мальчишки. Они тоже с весьма недетским недоумением осмотрели мыслящего под больничной вывеской Нилова. Словно Нилов только что, перед самым боем, получил в больнице отсрочку, потому как в детстве переболел свинкой. И все вокруг об этом знают!

Постояв на крыльце ещё какое-то время, Андрей решительно выплюнул папиросу и отправился обратно в кабинет тихого доктора. Тот без

особого удивления встретил своего пациента и будто знал причину его возвращения.

— Нет, в ближайшее время лекарств изобретено не будет. Операция, как я уже сказал, вам не показана. Разве что — чудо...

— Да не-е, — равнодушно отмахнулся Нилов, — я про другое. Дайте мне справку, что я абсолютно здоров.

Вот теперь брови доктора взметнулись от удивления под самую чёлку. Он, покусывая губы, внимательно смотрел на пациента, вероятно, ожидая продолжения и объяснений. Руки чуть подрагивали.

— Война, — пояснил одним словом Нилов.

— Война, — согласился доктор.

— Дайте умереть с пользой! — занервничал от медицинского непонимания Андрей.

Доктор покачал головой, всё так же участливо, но весьма отстранённо глядя на Нилова. Целый рой мыслей разлетелся в его голове в разные стороны.

— Вариант эвтаназии?.. — сказал он сам себе.

— Чего? — не понял пациент.

— Да нет... Это я так... Война, я понимаю. Поэтому вы меня решили под трибунал подвести?

— Что вы, доктор! — Андрея прямо-таки скрутило от обиды. — Вы тут со мной столько возились. Я же говорю: война! Я хоть умру с пользой! Неужели не понимаете?

— Да вы, может быть, завтра уже винтовку поднять не сможете!

— На войне до завтра ещё дожить надо. Знаете, доктор, мне всего двадцать восемь лет. У меня девушка была, но замуж вышла за комсорга из нашего цеха. Родителей не помню, батя ещё в Первую мировую сгинул, а мать — в Гражданскую. И я, доктор, я это... В общем — нет у меня никого. Никто я! Вам не понять, наверное. Я думал, добыюсь в жизни всего сам. Обязательно добыюсь. А теперь жизни нет. Всё! Приехали! — Андрей даже порозовел лицом, отступила вглубь болезненная пепельная бледность. — И вы не хотите мне дать шанс уйти из этой жизни, может, и не героем, но хотя бы... Эх, да что я вам тут?.. Пирамидон, а не жись...

— Я вас понимаю, — вдруг очнулся от своих невесёлых мыслей врач. — У меня отца красные убили, а мать — белые. Я дам вам то, что вы хотите.

Андрей Нилов замер с открытым ртом, пытаясь всмотреться в грустные серые глаза тихого доктора, которого ещё минуту назад хотел обозвать «врагом народа». Достаточно встретить соразмерное горе, чтобы не выпячивать своё.

— Вы тоже детдомовский? — только и спросил Андрей.

— Нет, меня бабушка воспитывала. Пока была жива. Но она тоже умерла. От рака...

— П-п-понятно...

Свою жизнь врач объяснил Нилову в двух словах.

Доктор же вспомнил сегодняшнее утро. Другого мужчину. Сытого, здорового и прилизанного, пытавшегося посредством перезрелой папилломы на ягодице получить отсрочку от призыва. Какие разные они были с Андреем Ниловым!..

Когда вам повезло в чём-то главном, то может абсолютно не идти в масть по мелочам, и наоборот, малые обстоятельства поворачиваются к вам лицом, а узловое, самое важное — проваливается, буксует или вообще остаётся недостижимым. Нилов считал, что в главном ему не повезло, зато остальное...

Уже в середине июля Андрей Нилов сражался под Смоленском. Первым вместе с командиром поднимался в атаку, а уже через минуту шёл на неприятельские окопы без командира, сражённого вражеской пулей. Быстро научился у воевавшего под Минском старшего сержанта делать бутылки с зажигательной смесью, каковые следовало бросать на моторную часть танка. Главное, что понял, — эта война надолго, а немцы умеют воевать, педантично и продуманно, и трусливыми буржуями их не назывёшь. Главное, о чём думал, — лишь бы не скрутило до срока. А срок всё не наступал. Очень не хотелось подвести доктора. Болезнь покуда напоминала о себе только давящей болью где-то в средостении да чрезмерной потливостью и неожиданной слабостью после боя, которая буквально валила с ног. Но потели вокруг все. Кровь, грязь и пот — без этих трёх составляющих войны не бывает. Пули и осколки предательски пролетали мимо, выкашивая вокруг Нилова целые роты молодых и здоровых ребят. Наград Андрею не давали, ибо командиров убивало раньше, чем они успевали представить его к награде вышестоящим начальникам, кои, в свою очередь, были жертвами ускоренной ротации.

В конце июля бои под Смоленском кончились. Унылые, поредевшие на две трети колонны в облаках пыли двигались для переформирования на восток. Среди прочих шёл избежавший смерти и окружения младший сержант Нилов. Немцы давили на пятки моторизованными дивизиями. Хоть и вынудили их под Смоленском перейти к обороне, не нашлось ещё на всей великой Руси необходимой силы, чтобы погнать тевтонов, не подтаял ещё лёд на Чудском озере, не раскисли ещё просёлки в подмосковных лесах да не выпал дружок-снежок.

О болезни в эти дни думалось меньше всего. Зато вспоминались детдомовские уроки истории. С какой болью в голосе седая и маленькая Ольга Александровна рассказывала о том, как соединившиеся под Смоленском русские армии отступали к Москве в 1812 году. И хуже того — как отступали после Бородино, не проиграв этого великого сражения... А потом покидали Москву. И не понимало сердце Андрюхи Нилова кутузовскую

необходимость сдачи столицы, при всей гениальности тарутинского манёвра.

Среди идущих в колонне никто предположений не делал: удержим ли Москву? Предпочитали молчать или обмениваться ничем не значащими фразами. Многие оставляли за спиной свои города, посёлки и деревни. Как там родные? И Нилов всё больше соприкасался с всеобъемлющим, спаянным огненным июлем общим горем, на фоне которого своё, личное казалось несоразмерно меньшим. Да и вообще несущественным. Никто из близких не остался у Андрея за спиной, никто не встречал впереди.

В октябре Нилов ждал смерти. Все сроки, определённые тихим доктором, прошли. Особых болевых ощущений по-прежнему не было, да и мнить их было некогда, смерть снаружи гуляла куда как проворнее. Действительно—тайфун. После седьмого октября под Вязмой было жарче, чем в июле под Смоленском. Новый командир батальона истребителей танков, в котором служил теперь Нилов, был лет на пять младше Андрея. Фамилия у него была Костиков. Он был щуплый, угловатый и весь из себя интеллигентный. Солдат называл на «вы» и будто бы стеснялся отдавать приказы, иногда сопровождая их волшебным словом «пожалуйста». «Нилов, смените, пожалуйста, Фролова...» Сразу видно, успел окончить институт. И вместе с высшим образованием и ускоренными курсами комсостава на его плечи легли офицерские погоны. Но именно за неуместную вежливость бойцы полюбили лейтенанта Костикова.

Фрицы всё отчаяннее сжимали кольцо окружения, а солдаты и командиры генерала Лыкова всё отчаяннее сопротивлялись, не оставляя гитлеровцам шанса совершить увеселительную прогулку на Москву. Русская столица фон Боку выходила боком. До его отстранения оставалось чуть больше трёх месяцев. Но об этом Нилов ничего не знал и не узнал значительно позже... Ему и фон Бок, и Гудериан, и сам Адольф были побоку. Мог бы достать—задушил бы, порвал на клочки голыми руками.

В середине октября стало особенно жарко. Остатки дивизий, сжатые в окровавленный кулак, предполагали прорваться на восток. Туда, где невиданной донныне стеной стоял русский дух, стяжавший в себя дух многих народов. Тех, которых нацистская Германия официально не считала за людей, а если и считала, то—за неполноценных. И вот эти «неполноценные» с последней гранатой устремлялись под танк, с именем тиранившего их Сталина поднимались в заведомо проигрышную атаку, бросались с голыми руками врукопашную, когда у них кончались боеприпасы.

Костикова берегли. Ещё и потому, что была у лейтенанта не соответствующая боевой обстановке особенность. Он мог прямо в пылу боя впасть

в задумчивость, и немалых усилий стоило его привести в сознание. Но оборону батальона он строил продуманно и чётко. Берёт солдат. И солдаты берегли его. Назначенный батальонным командиром из-за нехватки старшего офицерского состава, худосочный Костиков не только справлялся, но мог бы, похоже, командовать полком. Голова у него «варила» лучше некоторых военачальников с лампасами.

Фрицы между тем озверели. Артобстрел и авианалёты прекращались только на обед, ужин и несколько часов, когда над полями сражений плыла дымная, наполненная душливой гарью и сладким запахом разложения темнота. И вот наступило утро последней атаки. В это промозглое, уже пахнущее первыми заморозками утро остатки батальона, да и прибившиеся к нему бойцы из других подразделений должны были подняться на прорыв вслед за своим щуплым парнишкой. И поднялись. Но так уж вышло, что именно на этом направлении немцы приготовили свою очередную атаку. Поэтому сошлись в низком редковатом подлеске сытый полк гитлеровцев при поддержке танкового батальона и голодные солдаты Костикова. Аккурат в этот момент, когда надо было принимать решение (а оно могло быть только одним—по одному и группами бежать в сторону, на соседний участок прорыва, ибо героизм тут был более чем неуместен), Костиков впал в задумчивость. В таком состоянии его застали одновременно два человека—страховавший умного командира Андрей Нилов и розоволицый немецкий фельдфебель в серой, даже не испачканной грязью шинели. Будто только что со склада или с парада. Немец поспешно направил свой карабин в грудь русского лейтенанта, а Нилов понял, что наконец пробил его час. И не час, а миг, который он, не раздумывая, использовал для броска наперерез траектории пули.

И он уже не видел, как очнувшийся лейтенант Костиков выпустил в опешившего фельдфебеля последние патроны из своего тт, как, откуда ни возьмись, появились на этом участке партизаны, внеся полную сумятицу в планы не только германского командования, но и растерянных красноармейцев. Общей массой солдаты Костикова и разношерстная команда партизан просеялись на восток. И Костиков приказал нести Нилова на растянутой между двумя жердями шинели. Все полагали: Нилов не жилец,—но никто не роптал, и Андрея несли, сменяя друг друга, несколько километров. Потом—короткий привал, потом—снова несли. Нарвались на второе кольцо окружения, почти по инерции пробились, потому не остановить уже было, даже если против каждого красноармейца по танку выставить. Потом третьё, там немцы и сами уже не чаяли сражаться с окруженцами. И так—до Можайской линии обороны,

где обошлось без унижительных допросов СМЕРШа, ибо Костиков вывел свой батальон...

Нилов не умер. Не задела пуля жизненно важных сосудов. Но оставалась всё это время там—внутри. Может быть, это было чудо, о котором упоминал тихий доктор? Но, похоже, чудо из другой оперы.

В осадном московском госпитале за Андрея взялся небритый широколицый хирург-казах. Он за последние сутки намахался скальпелем, как саблей, но, вняв мольбе Костикова, начал делать невозможное. В сущности, он делал это каждый день. Иногда получалось. Когда хирург уже подбирался к простреленному лёгкому, над столом склонился ещё один доктор. Тот, который пришёл сменить его.

Внимательно посмотрев серыми глазами в землистое лицо Нилова, он несколько удивился, а своему коллеге тихо сказал:

— Зря работаешь, Нурик, у него опухоль.

— Ты что—рентген?—не обратил внимания на его слова хирург.

Тихий доктор пожал плечами и отошёл в сторону. Операционная сестра только стрельнула в его сторону быстрыми глазами: мол, устал, товарищ военврач, бредишь уже. А военврач стоял немного в стороне, прикрыв рот ладонью, и размышлял о превратностях человеческой жизни.

— Как он?—заглянул в операционную другой интеллигент, в лейтенантских погонах.

— Нармальна, да!—крикнул, не поворачивая головы, хирург.

— Он мне жизнь спас, товарищ военврач.

— Я понял, да-а-а! Не мешай, лейтенант. Сейчас извлекать буду!—но потом замер на секунду.—Олег! Олег! Ты—рентген! Есть опухоль. Пуля прямо там. Ой, шайтан! Вот бы фотографию сделать... Вторая стадия, наверное, а он воевал.

— Четвёртая,—поправил тихий доктор.

— Вторая, Олег, вторая! Или ты думаешь, только в Москве учат?! Или я меньше твоего видел? Метастазы нету ещё! Даже регионально!

— Не может быть! Тогда—нету уже! Нурик, я сам...—и осёкся.

— Ты что, Олег Игоревич?—остановился вдруг Нурсултан Бектимирович.—Это твой больной?

Хитро прищурил монгольские глазки на операционных сестёр: вы ничего не слышали. А те и не слышали: инструменты подают, расширители держат.

— Нурик, я потом тебе расскажу, но поверишь.

— Не поверю, Олег? Да я теперь чему хочешь поверю. Ладно, будем удалять лёгкое, терять нечего. Крови он ещё по дороге море потерял. Всё равно—шансы мало,—помолчал некоторое время, собираясь с силами, подняв руки над головой, словно сдаётся в плен.—Тебя послушать—война лечит.—Думаю, Нурик, она душу лечит, а душа—всё остальное.

— Ай-вай, Олег, чему нас материализм диалектический учит?! А?!

— Этот человек, помяни моё слово, Нурик, если вдруг выживет, попросит у тебя справку о том, что он здоров.

— Ты уже давал такую?—ещё больше сузил глаза хирург, только бусинки-зрачки сверкнули, руки его между тем уже всю манипулировали.—Хороший человек, командира спас. Я бы ему пропуск в Кремль выписал, а не справку даже. Место в раю для него всё равно забронировано, туда успеет ещё...

— А я бы повременил удалять лёгкое,—загадочно сказал Олег Игоревич.—Что-то мне подсказывает... Думаю, эта опухоль и так рассосётся. Хотя такого и не бывает.

— На войне?! На войне всё бывает! Может, ты тоже наденешь перчатки? Думать некогда! Думает он, понимаете! Ты хирург или философ?! Твоя смена, между прочим!

Сердце Нилова нашло свою пулю на Висле, когда Андрей Нилов уже передумал умирать... До победы оставались считанные месяцы. К этому времени он имел две нашивки за ранения и несколько наград. Может быть, и эта роковая пуля миновала бы старшину Нилова, но в сей ответственный момент Второй мировой войны пришлось ему поднимать в атаку бойцов раньше намеченного командованием срока. Недоукомплектованные полки и дивизии двинулись на озлобленных поражениями, вгрызшихся в мёрзлую землю и бетон фрицев. По просьбе премьер-министра Великобритании Уинстона, мать его, Черчилля. Пошли в наступление, возможно, даже раньше срока, который предполагался Там, где решаются судьбы людей и определяется ход истории человечества. Советские солдаты спасали своей кровью драгоценную кровь солдат Туманного Альбиона, английских же солдат за всю войну погибнет чуть больше двухсот тысяч. А наших—в одной Польше шестьсот тысяч...

Пуля пробилась не только сердце отважного старшины, но и письмо в нагрудном кармане гимнастёрки, написанное неразборчивым, быстрым почерком Олега Игоревича, химическим карандашом, испещрённое какими-то странными медицинскими предположениями и терминами. Письмо это никто, кроме старшины Нилова, не читал. После войны Андрей Нилов хотел показать письмо своим близким, которые у него обязательно появлялись. Но так получилось, что ближе детдомовских воспитателей, усталых солдат в холодном окопе и растерзанной Родины у Нилова никого не было.

Тихий доктор Олег Игоревич так и не узнал дальнейшей судьбы своего пациента. При всём желании не смог бы. Он погиб под Сталинградом двумя годами раньше. Бомба попала в госпиталь. Ведь говорят, бомбы, снаряды и пули—не выбирают. Как и Родину.